Камень в последнем энде

Pustoy

Pustoy

Камень в последнем энде

«Автор»
2026

Pustoy

Камень в последнем энде / Pustoy — «Автор», 2026

У Леры Селезнёвой две привычки: встречать раннюю смену на хлебозаводе и бросать последний камень за любительскую команду «Причал». Когда прежний капитан уходит, Лера берётся довести своих до конца Кубка пристани. За четыре места на льду борются пятеро. Цветочница читает дорожку лучше всех, бывшая водительница трамвая устала сидеть в запасе, настройщице роялей нужно успевать к матери. А самая молодая из них хочет бросок, который Лера привыкла считать своим. На маленьком судовском катке никто не получает жалованья за победу. Тем труднее ответить, кому доверить последний камень, когда за стеклом стоят твои люди, а на табло не хватает одного очка.Текст романа и иллюстрация обложки созданы с помощью искусственного интеллекта.

© Pustoy, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая щётка 6
Глава 2. Стекло с той стороны 10
Глава 3. Пятый стул 14
Глава 4. Ручка красная 18
Глава 5. Зелёные кружки 22
Глава 6. Два метра тишины 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Pustoy
Камень в последнем энде

Pustoy
Камень в последнем энде

Глава 1. Чужая щётка

У женщины в красной майке на голове лежал сырник. От тепла он начинал съезжать к правому уху.

— Поправь мне, — попросила она Леру.

Лера поправила.

— Тебе до стекла ещё метра три, держись.

— Сырник целее меня, — ответила женщина с достоинством. — У меня уже второй развод, лопнул бак в ванной, стала бабкой третий раз, а он — на, посмотрите — стоит. Оксана, сколько я простояла?

— Тридцать четыре. Осталось пройти до флага, поставить щётку и взять ртом стакан на табуретке. Без рук!

— Да идите вы в баню с вашим спортом.

Сняла с головы сырник, съела с гримасой, словно заведомо знала, что творог плохой. Все за стеклом легли со смеху.

Обосновали это безумие десятым днём рождения клуба «Борт». Первые три дорожки они раскатали десять лет назад в октябре, а четвёртую удалось приладить, когда перестали снимать холодильную камеру в конце здания; взяли всё в наём, сбили за дополнительную цену пристройку и впервые официально стали четыре дорожки. На день рождения все посевы и регламенты отменяли. Приходили с детьми, люди приносили салаты. Вместо льда перед выходом на него стояли две большие груши с названиями команд «Рулет» и «Корка». Их потом съедят всей толпой и до Нового года будут искать в подкладке брошенных на лавку курток высохшие маленькие косточки, как памятные жетоны. Над Дамировой каморкой висел лист «Сырники только за стеклом». Дамир — ледовар. В прошлом году одной из девушек пришло в голову проверять, что лучше катится: гранит или ватрушка с брусникой. Один раз четыре часа полировал после них дорожку и ещё час стирал чистую простыню другого катка, которой накрывал технику от летней пыли.

Лера положила пальцы на холодный стеклопакет. Снаружи, над длинной скамьёй перед коробками с клубными щётками, перемигивались круглые зелёные огни — настольные секундомеры, подключённые к одной зарядке, несколько раз в год праздник устраивали даже для этой старой техники. На льду в одиночку отрабатывала выход Инна. Скользнула по дорожке, мягко выравнивается, рука с гранитной серой глыбой как продолжение её тренерской кофты. Болталась за спиной стропа с застёжкой, никогда не ухитрится правильно застегнуть. Низкая посадка, вес на скользящей ноге, чуть запаздывает, как всегда, взмах длинными седыми волосами. Камень уже на середине дорожки, а Инна ещё на исходном краю сидит совсем низко, выглядывает в сторону щётки, поставленной вертикально на дальнем конце в штатив без человеческих рук. Привыкла видеть цель там, куда идёт. Если на том конце ни соперниц, ни подруг, воткнёт хотя бы и чистую палку.

— Лер, там Феня твой, — позвала Оксана. — Найди, где он переобувается, ему тридцать шестые дали. В них на застывшем болоте, засунув внутрь двух медведей, вполне можно играть, сегодня не надо.

— Федя. Фома у него на шапке нарисован. Ты уже четвёртый год его путаешь с девочкой, вы с ней на разных сторонах хаммера ходите! При таком раскладе я надеюсь, будешь человеку с сырником пожизненное чемпионство выписывать под другим именем.

Оксана махнула щёткой и пошла улыбаясь в тёплый зал, где не ограниченные правилами взрослые уже придумали в это время дюжину других способов прославить откровенный идиотизм по всей холодной Вселенной.

Федя стоял один в дверях женской раздевалки и с размаху пытался попасть ступнёй в оставленную на расстоянии полуметра огромную чёрную калошу.

— Мам, можно я судить буду? Я не хочу сегодня уезжать на лёд. Я на прошлой тренировке задницей сел, Крис меня утешала, пока мне идти к маме не пора. Я не хочу с ней утешаться. Это гораздо страшнее, чем падать.

— Уезжать на лёд можно хоть в мае, пока не растает. И шапку сними, а то лыжи с тебя спросят. Давай пойдём судить по очереди, я два энда, ты два, пока не надоест, всё равно сегодня никаких официальных кубков не дают. Согласен?

— А можно я сам? Инна Ивановна мне разрешила держать счёт. У меня её планшет лежит. Сказала, в руки дам, если Федю мама не побьёт.

— И когда я последний раз тебя била?

— Ни разу. Поэтому именно мне и дали, а не Полозу. Полоз такой не везучий, только лыбу покажет — везде же сначала спросят, кто первый начал. Ну ма-ам, ну хватит мои носки так дёргать, не чужие же мы люди!

Она отступила и увидела, что сын наконец натянул свои белые кроссовки, а под носом у него свежая тёмная ссадина, нестерпимо похожая на неумелые первые усики тринадцатилетнего мальчика. На школьной продлёнке врезался в швабру, а пацаны теперь проверяют пальцем, оттирается ли эта недавно полученная победа.

— Клянусь не поправлять больше твои калоши до самого начала дня. Иду.

На лёд её вытолкнули торжественно. Вышла из тёплой клубной комнаты и мысленно пересчитала всё, что уже сделала с утра. Первый груз с хлебом отправился в районную столовую без пустых ящиков — отвезут отдельно в понедельник. В пять утра у них лежали технолог и водитель, оба на раскладушках в комнате диспетчера, оба сунули ей в руку по розовому почтовому извещению, пробормотали «мы так спать хотим, Лер, разбуди не раньше шести». Новая смена согласилась пересортировать восемьдесят форм. Вчера из-за этой путаницы в самый маленький киоск отправили большие круглые караваи. Бывший муж Дима взял у себя на посёлке три килограмма яблок и приехал к Лериному дому оставить под дверью — это было хитрое его изобретение: делаешь человеку что-то приятное, как бы не планируя знакомиться обратно с её нынешней жизнью. Учительнице Феди сдано, почеркушки в дневнике подписаны. Вымыла пол, что-то забыла убрать в морозилку, сняла с батареи лосины.

— Пойдём на дорожку, — сказала Инна.

— Я и так на дорожке.

Только от холодного воздуха и этого её неслышного голоса наконец внутри перестало считать.

Их команда звалась «Причал». Пристань от «Борта» была к северу, через бывшие склады судоремонтного. На самых древних своих майках они нарисовали крепкий фонарный столб с двумя обёрнутыми вокруг рыбинами, которые впоследствии выяснилось, на самом деле были маленькими апострофами из неправильно распустившейся в печати облезлой типографской трубы. Для победы отличный символ. Если у команды всё хорошо, их побеждает хек. Если плохо — большая буква цитирования.

Десять лет они играли под этим названием. Состав менялся. Когда Лера пришла, здесь были одни молодые тридцатилетние и Инна, у которой год назад нарисовали на торт цифру пятьдесят девять, она поправила на пятьдесят восемь и спросила у нарядных гостей, с какой целью они крадут остаток её молодости, не договорившись об оплате. Два последних года их в клубе считали командой, у которой ни одного подростка, зато есть ясная голова у капитана. У Инны. У Леры — рука. Лера обычно бросала последней. Инна бросала третьей. Когда бросала Инна, Лера на дальнем конце дорожки — в доме, круглом разноцветном чертеже на льду — ставила ей цель. Когда бросала Лера, Инна возвращалась в дом. Кто руководит командой, решалось отдельно от того, кому ставить заключительный камень. В обычных разговорах при-

ходилось объяснять это каждому, кто видел кёрлинг в телевизоре. Но тут удобно было ещё вот что: люди эти порой хотят послушать более занимательное разъяснение, зачем четырём на вид разумным женщинам платить за право в свой законный выходной несколько часов подряд с диким воем мести чистый лёд.

— Что-то кислая ты, — сказала Лера. — Куда ты опять, руку проворачивать будешь?

— Думаешь, растопырю свои ужасные пальчики, напугаю несчастного виновника торжества? Не дождётесь. Ты сегодня приводила Риту?

— Сама пришла. У Риты в мебельной мастерской вместо денег опилки, а вместо смены дополнительный заказ от частного Болконского. У неё доход прошлонедельный один чек на шестьсот пятьдесят рублей. Зато шкаф князя почти доведён до гражданского состояния княжны.

— Хватит над ребёнком шутить. Мне пригодится Рита. А тебе тем более. У нас в игру хотят кроме сегодня начинающих. Мы первые два энда с «Клюквой» сыграем для публики. Неполные, без всяких побед. Я хочу закончить с вашим комсомолом вовремя, услышала? После второго закроем. На больше не рассчитывай.

Лера пропустила слова, как пропускаешь в ночи привычное посвистывание за окном, хотя там вдруг уже иной звук. Инна, когда давала ей особенно сложный бросок, рукой, не занятой щёткой, придерживала только что разогретый локоть, это означало «сильнее не надо, но каждому приболевшему можно дать под зад». Инна, когда получала требование сменить порядок игры, потому что у «Клюквы» две сильные молодые и если они первыми пустят по центру камень, то все остальные шесть пусть её держат, не отказывала команде в беседе — выслушивала в конце, после игры, сидим в столовой, все вспотели и хотим за маленький салат дорого платить, а времени уже вышло. Инна умела из обыкновенного дня делать завершённый, простёганный до конца матрас, скучная вещь, которая не растеряет формы даже через три года под чужой кроватью. Сколько ей ещё приходится принимать решений за них про них же самих? Лера очень любила её. И совсем не умела представлять вместо капитана себя в доме.

— Твой Федя в жюри сел с Оксаной, — добавила Инна. — Половину сырников съел, не переживай. У кого бы ещё его отъесть, не говори ему, а то сочтёт себя комментатором.

— Ты сама его в судьи вывела.

— Тем более не трогай. Щётку положи мне на лёд.

В показательной игре они отдали «Клюкве» первое очко. То есть могли помешать Марте Гориной обойти их последним камнем и поставить второй, и помешали. Зрители за стеклом, если судить по поднятым бровям и вскрытой пакетом кукурузе, предпочли бы за один гранитный удар мишень плоско разворотить, там под снегом на пластилине у них суждение хорошее, а это долго и скучно. Второй энд начался живее. У «Причала» последний бросок на этот раз. Рита выставила свой первый камень справа от центра перед домом, защитила вход. Жанна подмела льда в районе самой крутой дуги так, как только умеет делать человек, лично настроивший в консерватории все рояли. Рита добавила ходу, потом вовремя убрала щётку и показала губами: «Летит». Инна сыграла свой последний проход легко, и вдруг внезапно по обе стороны от её камня образовалась брешь. Надо мягко, через неё в дом, не затронув этот ближний долгий сектор, и тогда у них два красных ближе к центру, чем любой из жёлтых. Марта облокотилась о дальнюю стенку, улыбнулась. Кончиками пальцев сквозь перчатку сухо пощипывала голову своей щётки. У неё сейчас обе попытки завершились, больше ничего в этом энде «Клюква» сделать не может.

Лера приметилась. Ничего выдающегося. Ветер из вентиляции идёт аккурат на правое плечо, не насквозь. В прошлый раз таким выходом хотела кое-что чрезвычайно важное доказать Инне и на затяжке дотолкнула уже в самом конце. Метр лишний, вылетел камень за дальнюю линию, сорок минут потом отмачивала своё страшное невезение в раздевалке, пришлось

вытащить со дна сумки термос. А сейчас у них никакого турнира. Показательная. Можно выдавать себе свободу промахнуться на совершенно свободных правах человека.

Инна на том конце подняла щётку, снова поставила, точно и вертикально. Жёлтая тесьма, которою поверх держателя Инна заштопала изношенный чехол, качнулась, на мгновение пропала. Вот. Лера впилась глазами в это маленькое место на гулком громадном льду. Выпустила камень.

И выиграла.

Вернее, как потом сказала Рита, выиграло их пятеро, потому что Крис на этот раз стояла за оградой и рассказывала трём детям, зачем слева от дома лопнула струйка инея и какое к счёту она имеет отношение. Хотя в этом спорте по четыре игрока на каждую команду. Рита и Жанна сделали работу на дуге. Лера отпустила ручку туда и с той силой, что нужно было, Инна простояла до самого касания у того же места и в удачный момент сказала «не трогать», единственные два слова, которые услышала от неё Лера за решающий бросок.

— Ну что, — спросила Инна. — Понравилось?

— Так хочется обнять этот лёд, вытащить щёткой, завернуть в одеяло и домой отнести. Это ответ на твой вопрос?

Она повернулась, хлопнула по карману три раза, словно проверяла, на месте ли там у неё судьба маленького собственного двора, и протянула Лере свою щётку с жёлтой тесьмой.

— Забери. Кубок пристани в этом году играете без меня.

— Ты шутишь?

— Никогда этого как раз не делала. Хочу сама валяться на диване и выбирать, надо ли мужу к теще ездить, вообще ли кошка имеет право весной занимать всё одеяло. Хочу пойти на норвежские танцы. Хочу не иметь следующего воскресенья расписанным с октября до марта. Девочка, я ухожу.

Лера увидела за стеклом, как Федя держит в ладонях карточку их только что закончившегося счёта, ещё не решаясь что-нибудь записывать. Крис и Рита радовались, Жанна внимательно смотрела на Инну. Пусть не будет сейчас фразы «потом разберёмся», да, даже если с Диминой стороны опять будет потолок падать, а к утру совершенно живой хлебозавод от участия её зимних весёлых людей по закону никак не освободится.

— Надо у них спросить, — сказала она и щётку взяла.

Глава 2. Стекло с той стороны

Самое противное в кабинете менеджера «Борта» — застеклённая полка с тем, что люди забывали в раздевалках. Рядышком лежали вставные зубы, двухметровый карабин для стропы, паспорт гражданина Казахстана, детская картонка с изображением зубастого ёжика, три резиновых утиных ключа и планшет с погасшим экраном. Он однажды вспыхнул и показал фотографию голого мальчика по шейку в тазу, рядом с ним собака пудель, тоже совершенно голая и счастливая, тоже в тазу. Вася Маслов, менеджер, побежал через дорогу в хлебный, спросил у всех в очереди, кто знает этого пуделя. Через два часа планшет уехал с хозяином. Данные-контакты, вся эта современная чепуха, в Судовске гораздо надёжнее работает, если нормальную известную собаку знают в лицо.

Лера сидела перед полкой, смотрела, как карманные тёмные наручные часы с пальмовыми ветками по внешней стороне браслета отмеряли тут секунды с зимы прошлого года. Их новый скип. Если согласится. Из пяти человек за столом двоих позвали только потому, что они всё ещё не окончательно участницы. Первая — Инна, собственноручно снявшая себя с официального любительского турнира. Вторая, боже, она-то здесь откуда? — Лена Пономарёва, бывшая водительница трамвая на пятом длинном маршруте «Судоверфь — Пивная горка», а после инструктор по работе с начинающими водителями, по должности имеющая право сказать «убрать левую ногу», потому что если тормозишь не тем местом, в окно впереди со всей дури гендиректор автобазы войдёт своим большим пузом, и что ты ему потом объяснишь?

— Насчет игры мы обсуждали уже, — сказала Лена. — Я свободна в любое воскресенье с восьми утра до девяти вечера. Три года как пришла к любителям, за город мы выигрывали зимой в паре с одним лыжником, он прежде бегал на спринте за область, сейчас, правда, значится ни за какую. Если серьёзно спрашивают, почему я хочу именно в ваш дамский гадючник, потому что это настоящая команда. Люди здесь играют в самый интересный, нормальный вид спорта, без кухонного умиления. Где-то женщину в мои годы тянет резать салаты, я вполне могу только селёдку нарезать, но к кому меня с этой селёдкой возьмут, чтобы потом дать побороться за кубок? Ну, если всё, скажите хоть, во сколько будет тренировка.

— Ты уже принята? — спросила Лера.

— Полагаю, ещё нет. Если бы я лет пятнадцать назад, когда на меня мужчина полез на маршруте с табличкой снесённых баков, ответила ему «вы уже в списках?», я бы сейчас всё ещё возила под правой мышкой эту табличку. Кое-что приходится сперва говорить, потом вы о своём думайте. Не хотите — откажите. Тогда я уйду в другую команду, там проще. Только мне не надо поддерживать ваш рейтинг дамскими аплодисментами, пока вы с женщинами ездите играть вчетвером. Я, Лена Пономарёва, сокращённо Лён, сюда пришла играть. Мне шестьдесят два. Это у меня сведения об экипировке кончились.

Рита Рубан наблюдала за ними поверх своего свитера, натянутого до веснушек. Отложила телефон экраном вниз.

— А кто будет говорить этим двум мужикам, что нечего торчать нам в затылок? — спросила она, показывая на двух постояльцев дорожки, триста дней в году вычислявших каждому клубному игроку за его спиной свои нормы захода.

— Вот моя особая функция, — сказала Крис, встала, легко, с хрустом развернула высокое плечо и совершенно бесшумно прикрыла дверь носком кроссовка. — Ин, ты кому отдала последние права администратора чата?

— По счастью, осталась со всеми вами для удовольствия следить издали, как вы таскаете мои прошлогодние решения по воздуху, когда у кого-нибудь баба просила на морозе вытащить два мешка картошки. Всё у Жанны. Она по просьбе передаст, любит быть у кого-то руководителем короткого мероприятия, всю жизнь одну стенку отдельно от другой настраивает.

Жанна накручивала плоской отвёрткой винт на пластиковой нагрудной застёжке комбинезона. Она вообще всегда находила, чего у них в команде осталось не доточено. На двоих с сестрой растила мать, что она так сама и называла, потому что «ухаживать» стало недобрым словом в доме у всех, кто к ним когда-нибудь приходил, листы подшивать на окна, берёзу около ворот поправлять, или насчёт смен на работе спросить. Почему старуху под каким-то другим названием надо было запереть у себя и долго делать вид, что весь свет у них живёт вполне приличной своей жизнью, а в этой большой избе на Мельничной никто не живёт, Жанна не могла понять.

— Подождите, пока я соображу, кого на первую беру, — сказала Лера. — Ты, Лён, вообще какой рукой? Где играешь?

— Правой. Могу первой или второй. Для третьей не хватает раза три с десяти силы на нужном тяжёлом. Ставить в дом мне легко, не очень-то боюсь. Когда два года назад начали на сухом полу детским выпускникам объяснять, зачем мы тучей это на реке затеяли, меня проще всего было сравнить с контрольной гантелей. Мне проигрываешь, если сам стоишь в гараже и ничего не делаешь. Честно?

— Да я, в общем, другое спрашивала. Крис, как у тебя со временем сейчас? До середины ноября четыре недели. Если мы берём Лён, значит, что либо пять играют по очереди и мы все понимаем, кто в какой день, либо она в самом деле только хлопает со скамейки, когда кого угораздило приехать не туда. Скамейку я не предлагаю. У меня самую лучшую в городе подпись на холодильнике найдёшь от нашего Феди — «со скамейки я не хочу тебя больше видеть». Это когда я его решила была в хоккей сунуть, по двенадцать минут в форме в коридоре ждали! Хватило двух попыток.

— У меня норм, — сказала Крис. — Октябрь ещё свадьбы, потом одни поминки с хризантемами. Чтобы в феврале и марте дожить до десятого марта цветочнику, ему обычно завещание доступно. Я всё-таки постараюсь принять пару суббот заранее за пропущенные. Главный праздник у нас седьмое вечером, не спутайте с восьмым. Прямо на это время за меня не решай. Я сама скажу за три недели.

— У меня воскресенье наше, — сказала Рита, — запись в мастерскую пока через неделю, меня могут просить поменять день, я тоже могу отказываться, хотя и не от всех. Если ты, Лера, будешь за каждой из нас стоять и считать ей семейный бюджет, мы никуда не попадём. Моя мечта — выйти на лёд, если я пришла вовремя, не быть вечным юниором, который шесть лет уже не юниор. Ещё хочу сильную постановку в дом, не только этот глупый гард, который за меня ещё куры не умеют ставить. И побегать, за других тоже умею.

— От нас с Жанной ты ждёшь чего-то?

— Я знаю, как Жанна метёт. Я в её колени уже врезалась, больше не хочу никогда.

— У меня в декабре в Сосновом один концертный заказ на четыре рояля, надо в один день, держат два зала под областной конкурс, — сказала Жанна. — Сходу дату не назову, увижу список — скажу. И про маму заранее не всегда могу. Но если вас пять, а я не одна, я смогу запросто, за исключением дат, которые сообщу первая.

— Хорошо.

Теперь очередь Леры. Она сначала ждала, что в момент тишины Инна скажет за неё первые две строчки «этого человека я отобрала себе вместо, потому что она замечательно всю жизнь дожидается моей последней маленькой инструкции», а вдруг выяснилось, что Инна откровенно рыщет по стеклянной полке и читает надписи, — у всех клюшек именные бирки, за турниры ищут и знают, а у чужих зубов её никогда не видали.

— Мне мешает работа и то, что я люблю всё за других расписывать. Я, ребята, вы ничему не удивляйтесь так, был у нас случай, — Лера остановилась и убрала с живота подпрыгнувшие на резинке часы. — Вы знаете какой. В мае под конец игры Надя из старшего состава у меня спрашивала: «можно, я вот сюда пойду?», а я ей сказала — не стой рядом, чтобы не мешала.

Она тогда в чужие камни и пошла, запуталась, мы чудом дома не стукнулись. Капитан тогда Инна. Я же просто хотела выиграть. Стало быть, если теперь меня выберете, мне ещё придётся выяснять, почему мне вообще люди то и дело кажутся помехой в собственной хорошей работе. Пока хочу в заявке называться скипом. Может, вы тоже хотите.

— Я сейчас хочу кое-что сказать, — произнесла Инна, — а потом пойду домой.

Она подняла левой рукой прозрачную чашку в честь команды и увеличенных в ней облаков от автоматического чайника. На том конце дверцы, куда соперницы уже вышли сообщаться между собой, начальник ледового скоблил лёд длинной серьёзной машинкой. Никогда на льду не остаётся следов вдоволь, всегда приходят счистить, выровнять, на верхнем слое наморозить новые капли с утра. По ним камень так хорошо бежит, что каждый игрок вправе думать — именно его рука способна отправить далеко почти двадцать кило серого старого гранита.

— Ин, может, передумаешь?

— Нет, — сказала Инна. — Я тут за всеми вами одна смотрю, какие разные. Знаете, я когда начинала в энде у нас был весь город парней и я с другой совсем девушкой, Люськой Соколиной. На большом турнире она сидела запасной потому, что у неё были почки пересажены, а бежать за камнем она боялась дико. Мне надо было выиграть, чтобы эту Люську хотя бы один раз к ним, этим вылизанным, в мужскую компанию, позвали за честь, поставили на первую, пусть там свой медлительный камешек вывезет до хорошей подходящей точки. Луизы тут нету уже ни одной. Знаете, я не хочу ещё десять лет делать вид, что каждая из вас та самая Луиза, к которой нужно огораживать лёд под процент жалости. Не нуждаетесь. Зачем мне идти перед вами с вечной правильной щёткой?

— А что говорить-то хотела? — спросила Крис.

— Ничего. Говорила «последняя или рядом», теперь «первая или рядом». Я никаких условий не оставляю. Ну всё, счастливо!

Махнула ладонью и пошла переодеваться. На полпути один из тех мужчин, которые подслушивали в дверях, её остановил за рукав и спросил, как насчёт следующего четверга на свободный вечер сыграть тренировочную игру двое на двое с мужем. Сказал «старый конь борозды не портит» — как будто ему издали требовался разговор на весь город, чем он смешнее, а старой славной Инне больше никого нет, что её потешить. Она дослушала его до конца, улыбнулась, пожала другую руку, пошла.

— Выбираем прямо сейчас новую старшую?

— Кого?

— Ты, Лера. Все пятеро здесь. Готова?

— Если решили, что я на первом отрезке скип, готова. Могу же летом не выходить никуда без описи, кто на каком льду играет. Если сами меня не съедите, вам удобного ответа не будет. Рита, давай поднимать руку, ты всё равно в телефоне надписи нам пальцами рисуешь.

— Я не в телефоне, Лера, у меня щепка врезалась.

— А если голосовать, тут что, горит? — спросила Лён. — Я здесь только сейчас человека дождалась, из-за которого от другого клуба предварительного предложения не подписала. В клубе сказали «ты на правой играешь год, на левой почти хорошо, а теперь по чемпионатам надо ждать, у нас все места у девчонок». И тянут меня туда месяц, спрашивают. Ты вот можешь нам сегодня ответить, с какой целью берёшься? Чтобы кубок выиграть, чтобы в городе за вас с Инной кричали, потому что у тебя мало других проблем от общественности? Мне всё равно, только из чувства приличия не садись.

Она хотела сказать: потому что в том году по итогам турнира «Причал» стал третьим, финал смотрела за стеклом из холодного дальнего угла, ей не хотелось чтобы кто-то в финале пятьдесят лет удивлялся чему-то кроме их собственного необыкновенного решающего камня. Ей действительно так хотелось. А другой ответ ни разу ещё не прилагался к этому до нынешнего дня.

— Выиграть. Если совсем действительно честно, хочу выиграть, и очень. Но тренировочные нагрузки и матчи, и правильную расстановку тоже хочу сделать такой, чтобы на следующую тренировку никто идти не боялся. Мне непривычно говорить «не знаю». Если я буду стоять в доме одна и выдавать вам решения, возможно, вам тоже будет тяжело, но я для себя хочу, чтоб это стало нашей игрой.

— Так я — за, — сказала Лён.

Потом ещё три поднятых ладони, бумажный стаканчик с неподходящим к нему синим стаканодержателем и кислым кофе и последним голосовавшая сама Лера. Капитаном она стала, условились до конца турнира назначить рабочий период, потом обсудить на льду и за льдом. Зимний местный регламент разрешал записать в команду до пятерых, можно менять состав между встречами. В каждой игре участвуют четверо, каждая бросает по два камня за энд, всего восемь, а между бросками соперник делает свои. Кубок, который у них назывался пристанским, семь игр по кругу, затем финальная четвёрка и две последние игры подряд в мартовские выходные. Раньше у Жанны вообще не было своей картонки на победителя, последние три сезона они с первого раза пролезали на бронзу либо в завершающем матче у них из-под руки выкатывалась круглая тяжёлая железная мечта. И оставался который раз на апрель гардероб с утешительными картонными грамотами, а в холодильнике у «Борта» — закуска из дома, в бумажном конверте с остатками льда, испорченная, пока сидели за стеклом и спорили, где надо было тереть.

— А кто у нас нынче последняя?

— В игре по желанию публики? — удивилась Лера. — Я.

— Тогда разы́граем скептический кубок, — предложила Рита. — Пять раз каждая поставит камень к дальней пуговице. Пусть ещё Крис скинет нам счёт. У нас есть свободные пятнадцать минут, пока эти выходят на лёд после губной гармошки. Можно сравнить, что получается у каждой.

Лера услышала «у тебя ещё не везде получается». Понимала же, взрослый мастер, что это не то, что сказала Рита. Может, с самого начала означало, что все её шесть прошлых зим верифицировать кто-то затеял подряд мелкими точными бросками. И что за человек вырастает в спорт, если на эту мысль у него слегка дрожит ухо?

— В другой раз. Переоделись уже. Всё равно сегодня лёд не игровой, дунуть — поедет в ту сторону. Лучше после одной-двух тренировок, когда системно примеримся.

У стены остался стоять Федя. Не заметила его.

— Это у тебя цифра от головы как раз, — сказал он. — Строго. Если мама когда не знает, рассказывает долгие подробности с разными интересными научными словами.

И в этом простом, совершенно невозможном к поправке детском замечании отдала ей новый труд собственная маленькая острая беда. У неё же не только щётка Инны оказалась, к ней прилагалось ещё вот это. Нужно отвечать за то, что говоришь людям, которые стояли тогда на другой стороне стекла и твоего камня не слышали.

Глава 3. Пятый стул

На пятой тренировке Лера расставила против окна четыре стула, потом добавила ещё табурет. Он был меньше всех остальных, обиды в нём никто не предполагал, на него села сама.

— Расписание, — сказала она. — Вот четыре первых воскресенья. Второго ноября спарринг. Остальные с турнирными очками, начнём в ноябре через неделю после спарринга. Я не стану менять состав в субботу утром, если у нас у всех есть возможность сказать заранее. Где семье позвонить, где с работой переставиться, я вас спрашиваю сейчас. Лён, ты посмотрела?

— Три даты мне хороши. На четвёртую юбилей у подруги, но я попрошу с утра не начинать, в восемь утра у неё на столе благополучно встанет букет из гладиолусов и тары от вчерашнего праздника.

— Где ты достанешь в декабре гладиолусы, — улыбнулась Крис.

— В магазине ритуального обслуживания с прощальным бантом купить на десять лет вперёд, — сказала Лён, и все опять стали веселиться, как вечно бывает, когда у взрослых есть целая неделя впереди, чтобы послезавтра платить за всё хорошее, что в начале месяца случайно говорили друг другу.

У Леры был распечатанный лист с квадратами. Она шила такие расписания на заводе; два диспетчера и мастер выдачи каждый понедельник рисуют на прозрачной доске магазины и машины, в каком порядке кто идёт, какие заявки уже оплачены, почему два раза за одну ночь в школу при военном городке привозили ржаной кирпичик, а белого всё не было до самого первого звонка.

— Тебе, Рит, синее, — сказала она. — Крис — оранжевая. Жанне зелёное.

— Пардон, — спросила Жанна. — Мне нельзя фиолетовое, пока не кончился декабрь? У нас с мамой в больничном календаре я метки именно такого цвета всю осень ставлю, иначе дома опять приходится выяснять, где моя сестра, а где я. Ей сейчас немножко легче, скажу. Катя на машине вечером за её колготками вчера ехать из соседнего города не стала, мама вспомнила, что они с прошлого года лежат в малом чемодане на шкафу. Некоторые старые вещи приходится вообще не трогать: пусть в конце концов хоть одна вещь останется как была в мире с понятными штуками.

Лера дала ей фиолетовый. Распределили. Первый спарринг против шведоманов мужской спортивной компании добавлялся к обычной тренировке, там можно хоть три четверки в три отрезка менять, всех увидеть. В «Выдрах», первом круговом сопернике, особой опасности не видели, но совершенно зря. «Выдры» за лето пять игр на выезде провели, у них теперь стоял на щётке перешедший из области инструктор, они серьёзно собирались с «Причалом» поспорить за первое место вечных судовских аутсайдеров — как называла их местная бесплатная газета. О том, что серебро они получали в свое время дважды, газетчица не вспомнила, зато фото лучшее, на нём Инка вынимает из-под груди забежавший между кофтою и курткой кусок льда, морщится зло, левая рука её в это время отчётливо указывает прямо в зал не самым приличным пальцем, а в подписи «Большой привет болельщикам».

— Спарринг — два два, — предложила Лера. — Попробуем все. На «Выдры» Лён передохнёт, поставлю вас в старых позициях, мне будет проще. На «Маяк» Лён первая, Жанна вторая, Крис третья, я четвёртая. Рита отдыхает.

— А сказать это перед тем, как я откажусь уезжать на вывоз шкафчика?

— Я думала, ты сказала, что свободна?

— Я свободна. У меня работа. Могу сделать эту работу в любое время, понимаете? То есть если вы назначаете меня свободной на чужую игру, а я ради этого уже взяла пятницу на себя на объекте, не приехала в воскресенье, я свободна с потерей пятницы. В октябре для меня двенадцать рабочих часов стоят как месячный взнос за лёд.

— До ноября пока три недели. В остальные игры у тебя несколько разных позиций. Как я должна сделать сейчас понятней, для чего ты во вторую включена резервом? После «Выдр» мы будем видеть, чего у нас не хватает. С первым выбрасывающим играла новая опытная Лён и решили дать ей показать. Кому-то из четверых отдых устроить, разве нет?

— Почему мне?

Рита не устраивала сцены. Спрашивала так же, как в мебельном цеху у неё мастер мог спросить «почему окраска темнее эталона?» Просто скажи, какую краску открыл и где передержал покрытие. Это только Леру от такого простого вопроса вдруг обдало холодом, будто в неподвижном тёплом помещении открыл кто-то окно.

— В старой четвёрке у нас три хороших последних. А первых, может быть, две, и там, где ты выставляешь высокого гарда без силы на выходе, Лён затем набирает выше в своей первой части. Раньше она играла у себя первой, зафиксировали, чего нам из этого подойдёт. На «Клюкву» играете обе. Я тебя тогда второй попробую. Могу ещё как-то объяснить?

— Уже объяснила, — сказала Рита. — Если ничем не хуже, пропускать мне придётся всё равно. Ванька из мастерской, когда его из цеха на доставку грузить зовут, говорил «тебя берут помощником, когда нужен грузчик». Перед большим кубком в прежнем клубе меня после пяти лет на первом объявили для победы недостаточно взрослой. У меня медали две настоящие, не клубные. А теперь для разнообразия я снова оказываюсь недостаточно взрослой. Хорошо, я вас услышала.

Она не делала ни малейшего движения уйти. Сидела, жала кулаки, в телефон не смотрела, короткую щёку к плечу не наклоняла. Урожай на эту честность вырос очень скоро, когда Крис наклонилась и взяла Риту за два стоящих почти вертикально рукава.

— Не начинай опять этот чемпионат по стоголовым драконам. У нас у всех есть свои времена, когда человек решает тебе нагрубить, улыбаясь, а ты уши заранее отстегнула и думаешь «как же прекрасно я это знаю, со мной с детства тут так обходились». Согласись теперь, какой конкретный вопрос к Лере есть. У тебя первый — почему вторая игра на тебе. Нет задачи до весны тебя выдавать за тридцатилетнюю взрослую голкипершу, ты — это ты. Хочешь попробовать четвёртую? Надо говорить.

Рита выдернула рукав и кивнула.

— На тренировке хочу. А то пока мне последний носить только в мечтах позволено. Небось, если Инна за спиной отвалилась со своего места, мы все будем из-за Инниной щётки теперь ещё два сезона на цыпочках мимо Леры ходить, чтоб скип себя хорошо чувствовала в доме? Мне на льду интересно. Мне там, не тут ваши недоумения ловить.

— Не надо у меня ничего ловить, — сказала Лера. — Ты и так на ближайшем спарринге можешь два последних попробовать. Я своим первыми двумя вообще не владею, если по-правильному. Вечно привыкла к выходу, когда лёд уже много чего за день натёрпится. А тут отдают первый и гадай, кого уважить, если ты написала себе «последний». Договорились?

— Запиши, — сказала Лён.

— Что?

— Кто выходит играть и сколько. Ей не надо будет в день матча о твоё самолюбие обивать локти. Это существенно.

В спорте можно различить две формы самодурства: когда старшая, увидев на чужом пути неправильного человека, сразу орёт «посмотри, куда ставишь ноги!», и когда она делает вид, что совершенно спокойно может себе позволить всем здесь помочь, но решать-то на льду всё равно ей. Лера о таких вещах до того дня не думала вовсе. Была там доля настоящей, искренней тёплой массы — за то, что их четверых наконец станут воспринимать всерьёз. Но каждой четверке в любительском спорте достаётся пятая, которая должна усваиваться между ними, как соль усваивается с большим сладким помидором: никогда точно не известно, сколько её.

— Я записала. Ставьте свои звёздочки, которые к каким числам готовы.

Телефон выдал уведомление от старшего кладовщика Бычкова: «Восемьдесят мешков почему назад забрать будешь?» Человек в возрасте, пишет без точек и запятых, тратится на мягкие знаки исключительно по воскресеньям. Восемьдесят мешков из какого завоза? Лера прямо сейчас представила, как выдаст остальным двухминутное домашнее задание «считать свои возможности на регламентной сетке» и проверит за проходом в кабинеты, откуда взялся дурацкий мешок. Нет. У них осталось сорок семь минут на льду. За чужим полезным временем следить можно, а за своим необязательно?

— Дамир, можно две дорожки?

— Бери третью и четвёртую, — ответил ледовар. — На третьей только имей в виду, я её полчаса назад ещё не прокатывал. На четвёртой чисто.

— Это что-то меняет для нас по весу?

— Вот и узнаешь, — сказал он, и почему-то его спокойное предложение самостоятельно съездить по льду, на который она смотрела одиннадцать лет, прозвучало гораздо понятнее, чем всё предыдущее её надёжное знание, что же такое правильно сделанная дорожка.

Сели у двух колодок. Три целых камня, которые они сегодня мимоходом проверили чистой ладонью, отличались номерами и не совсем одинаковыми скоростями. Камни вообще нормальный любительский клуб держит свои, увозить персональную почти двадцатикилограммовую скалу с красной ручкой через город в летнюю квартиру не полагается. Достаёшь тот комплект, против которого тебе положено играть сегодня. Некоторые из них в одну сторону идут прямее, некоторые, кажется, чуточку раньше теряют ход, от других на неровном участке теряется всё твоё двуручное ледовое достоинство.

Рита улыбнулась. Сняла резиновую накладку с левого ботинка. Когда опускалась к колодке, тут же пододвигала пятку на самое удобное место, без единого лишнего расправления колена, без проверки, куда смотрят другие.

— Это с какого возраста ты так?

— С двенадцати. Меня отец отвозил в клуб через город, потому что ему там картошку в магазине надо было покупать. Через восемь лет он помнит килограммы, которые туда-сюда возил, а я до сих пор слышу, как прежний тренер считает секунды, прежде чем сказать: «ну ты чего, ты слабее этого льда?». Так что если я слишком резко сказала, вы сумеете пережить юношескую историю строптивого рукодельника.

Крис ушла на третью с Жанной. Лён и Лера достали два секундомера, с которыми будто бы всё легче, чем без них. Засекали время между линиями и проверяли, как далеко дойдёт камень. Погрешность, куда положить на лёд, кто отпустил на четверть шага раньше и охладела ли вчера оживившаяся боковина, делала сухую цифру только подсказкой, а не волшебным ответом. К четвёртому кругу стало ясно, что на третьей дорожке у стены при одинаковом начале камень проходит дальше, чем на четвёртой, а если в ту же сторону пустить по центру, останавливается на подступах к дому. Дамир молодец со своими маленькими условиями — никто в первый раз не увидел бы эту перемену на пустом взрослом катке, заранее уверенный в собственном постоянстве.

Лера старалась не потеть. Уже на пятом броске набежали на нос капли, хотелось сильно наклониться в дом, над непойманным кольцом, и помочь камню своей большой накаченной за лето искренней верой в целое зимнее будущее. Удобное в своей жизни место, где делом никому помочь не получится. Там, откуда камни к ней отправляли, Рита сегодня держала девять попыток из десяти на одинаковой скорости.

— Как тебе в первой? — спросила Лён. — Когда веса собственной рукой даёшь, пока другие хлопают дверьми, за спиной ещё никого накататься не успело. Есть тягостное чувство, словно уедешь прямо в мишень, только до неё длинный весь наш проспект.

— Я за пять лет первый камень раза два на спорах вывезла. Это не я.

— Ошибаешься, это тоже ты. Только редкая. Хочешь покажу заход?

Она опустилась к камню и не скользнула, а сперва покачала правое колено в выцветших спортивных брюках. В компании сильнейшего провинциального скипа старалась быть собой. Лере это понравилось больше, чем очередная попытка ближайших отождествить разную жизнь с одной и той же смазкой на шестерёнках. Лён вышла плавно, сразу развернула ручку пальцами большим и указательным, не уменьшила подъёма, пока Лера в доме не подставила цель. Камень медленно, но явно изогнул свою догорную дугу, съехал к ней почти вплотную. До центра не дошёл метра полтора. Ровно такой дал бы любой опытный игрок, если попросили защитить вход в дом и остановиться перед кольцами. Крис за стеклом показала большой палец.

— А попробуй с таким же выпуском к центру.

На четвёртой попытке под ботинком скрипнула щепка от старой защитной щётки, которую предыдущая группа не заметила убрать с поручня. Щепка замерла поперёк уже летящего конца, камень пошёл в сторону, и все еле удержались от того, чтобы броситься снимать крошку раньше, чем он с ней распрощается.

— Чёрт бы её побрал.

— Ещё одну.

Та убрала щепку, прошлась широкими мягкими движениями по месту. И поехала. Кнопка дома на том краю — маленькая горошина, за стеной лавка с детьми и мамами, урны, кабинки и два туристических чемодана, забытые участниками северного товарищеского. У них всего минут двенадцать свободно, пока не начнут орать со всем своим стеклом приходящие на первую тренировку младшие ребята. Издевательская пустота. Лён положила камень почти к центру — недодала сантиметров пятнадцать.

— Вот теперь подписываем, — сказала Лера.

Взглянула на табуретку, пятую, которая, похоже, никогда не перестанет оставаться ниже остальных. Садиться всем на разные стулья можно, но пять в каждом энде всё равно не бывает. Кто кому и на какое время уступает место, то и подлежало их собственному спортивному учёту, больше никакому.

Глава 4. Ручка красная

В день матча Лера проснулась за сорок минут до будильника. Федя спал на боку, вжавшись коленками в стену. Так он спал всегда за полчаса до того, как выкатиться с кровати вместе с одеялом. Ему дома подставляли валик, у Димы ставили заслон со стороны окна. Девять лет человеку, а всё ещё ловить себя не очень научился. Ничего, наверное, и не требуется другого от родителей: заметить, когда пора убрать валик и заменить его чистым тёплым половиком, чтобы, уж когда наконец сам зазеваешься, не упасть лицом в холод.

В кухне с вечера она приготовила в контейнерах четыре бутерброда, клюквенный морс, пару бананов, больше ничего. В прошлом году на январской игре голод накрыл после третьего энда, если кто-то решил бы тогда спасать Лерин счёт измерительной лентой, уползла бы в столовку и сожрала заварной бульон вместе с бумажной машинкой, откуда его наливают.

— Ты всё ещё не на игре? — спросил Федя у неё из-за спины. В футболке у него глаза большой мыши были намного спокойнее, чем его собственные.

— Тебя где будить, сонная голова.

— Слушай, можно я останусь дома у папы. Да играешь ты всегда, играешь, я всё видел. Я хочу с ним в мастерскую.

— Договорились. Ты ему сам скажешь?

— Скажу! Только потом когда вы рядом будете, не станешь на меня смотреть, будто я что-то уронил? Я болею за вашу команду, а сегодня хочу у него помочь. На соседе прицеп для мотоцикла. Не на нём прямо, на его, понимаешь, мотоцикл надо туда, КОГДА он купит! Не вздумай говорить с усмешкой, я и сам знаю, что в этой семье все чуть-чуть тронутые.

Она положила в его портфель банан.

На улице щекам сообщили зиму. Первое за утро живое лицо — это водитель пятнадцатого, у которого прошлая седая улыбочка под козырьком. Тётки на первой остановке сели с тремя сумками старинной, кажется, довоенной капусты. В спортивной сумке у Леры, поверх отдельного чехла для щётки, стояли термос, три запасных носка (два в пару и один федюнин), старая синяя шапка времени первой их командной майки. Снизу лишний большой резиновый съёмный чехол на левый слайдер. Попробуй дома останься без одного из них и не узнай про это как раз в момент, когда надо на ту же ногу всей собой прилечь.

До игры заехала на хлебозавод. Несла один из фирменных батонов новой нарезки в клуб: там в окошке выдачи продавали только бублики. Она хотела дать попробовать маленькую термическую версию, пока народу не слишком много, пока имеют право прямо сказать «жвачка, дорогая» до того, как поставщик засунет всю партию на автоматический конвейер. Пекарня ёжилась, теплела и дышала паром над большими воротами. На площадке погрузки стояли две чужих Газели, у каждого водителя последняя сигарета на два чесоточных вдоха.

— Ты зачем здесь? — спросил Бычков. — Сегодня же в спорте ты. Можно я как не дам тебе ничего до понедельника проверять?

— Батон. Мне пробу! И ключ от синего шкафа, у вас остался.

— На гвозде. Прибывай к нам с замечаниями через восемь лет.

Пока брала заварной, увидела на столе коробочку с сиреневой лентой и надписью фломастером «Причалу. После игры и делить на ПЯТЕРЫХ». Бычков бросил в коробку сливочные завитушки с солью и тмином, которые у них почему-то не получались никогда одинаковыми по размеру. Две большие и три маленькие, не самый трудный кусок на испытании дружбы.

— Слышь, они ж всё равно половина им сразу печёное не едят.

— Вот пусть сначала выиграют. Кто проиграет, тому тем более понадобится.

До «Борта» добралась последней. На раздевальной двери повесили лист посевов. Восемь команд в один круг. «Атлас», «Маяк», «Выдры», «Пульс», «Кольцо», «Клён», «Клюква», «При-

чал». И термин «круг» в трёх местах написали «крг», отпала зачем-то одна и та же буква. Возле названия их «Причала» кто-то ручкой пририсовал едва заметные усы. Она припала к этому рисунку губами, поскольку вообще не понимала, что за ерунда такая у взрослой ответственной женщины в состоянии перед дебютом собственной команды. Подпрыгнула, выпрямилась. Внутри Крис разматывала новую насадку на щётку, первый слот сыграют красными. Прежде красные ручки считали совместно избранными, и вот теперь труп мухи в коридоре может считаться гарантией судьбоносного успеха, когда в человека вселяется его любимый спорт.

Скип соперниц удивила с места. Они видели её в начале года подругой прежней первой у «Клёна», стройную девчонку с белой чёлкой до самых глаз, которую постоянно звали Настасья Ивановна, хотя родители явно не додумались бы ни до неё, ни до Ивана. У клуба был дополнительный тренер, повесивший в начале осени для них хорошую базу, но в дни матчей дамские игры он смотрел, как и все, за стеклом; крутились сами, что, кажется, им нравилось ужасно.

— Капитан «Выдр» Олеся Боруцкая, — представилась та. — Тебе можно с трёх метров ругнуться на меня «Боруцкая, сиди на своей заднице», если я опять невольно буду мелькать по центру. У меня такое бывает.

— Можно снимать на видео?

— Чего мне, хоть будильник повесь. Только девчонок не делайте мемами. Раньше сливали в городскую говорильню, то, как у нас на выходе с чехлами падают. Никаких крепких обид нет и не будет, но я имею право как человек попросить уважать своих.

Она понравилась Лере с первой секунды. Старая женская школа «кружевные трусики и всем конец», как говорит Жанна, которая за то время, пока тяжёлую стуловку собирают три мужика, успевает порвать палец о рояльную струну, залепить и оставить на подоконнике записку «не толкать, поранишься». Сейчас под ногой хрустит тёплый ледяной пупырышек, примерно тридцать восемь с лишним метров от одной колодки до другой по дорожке, не важно, сколько по привычке мерещится, для каждого броска всё равно подход один на себя и назад ни одно чужое падение сюда не позовёшь.

Первые два энда команды взяли по одному, кто бросал последним, тот и оставил свой камень ближе. «Выдры» на третьем перехватили: у Леры для выхода на два, по тем прикидкам, с которыми она налепила себе в телефоне прошлые индивидуальные занятия, был прекрасный последний бросок. Но на правой трети дорожки накат оказался быстрее, чем за рамкой клуба на тренировке, щёткой дать силой налево уже нельзя (хотя никому этого не объяснишь, каждый смотрящий ещё уверен, что щётка вообще умеет булыжник завернуть по номеру подъезда), а к концу камень сильно поздно стал закруглять. Проскочил за мишень украшать собственным своим почти двадцатикилограммовым видом жёсткую заднюю полоску. За стеклом у соперниц что-то уронили на пол. Шум шарахнул прямо по затылку.

— Прямо было, — сказала Жанна, когда уходили на другую сторону, — или я моргнула в неудобном месте.

— Долго, — бросила Лера.

— Чего долго? Ты держала дольше положенного? Или мы ей хода добавили больше, чем просила?

— Ушёл далеко.

— Спасибо, капитанская мысль меня осенила. Метров с пяти вижу, что ушёл далеко, со стороны он в телевизор хочет выйти. А ты мне скажи, при старте совпало с тем, что просили?

Крис поглядела на неё и повторила голосом почти шёпотом, очень спокойно:

— На створке ты выпустила примерно как первые два, не прибавила. С этой стороны идёт быстрее, когда далеко к боковине. Давай в обе стороны запомните название «мост». Попадаешь под мост, у тебя ещё две плитки вперёд.

— Ты ей скажи одним словом, Крис. Им путь показать, мне надо второй край проверить, не скользко ли здесь.

В четвёртом проиграли ещё очко, На перерыв вышли при 1:3. За столом игрок на льду сходит с дорожки на те немногие минуты, что отводят им до продолжения, и бросается снимать с пальцев любительские перчатки, купленные для торжественных зимних прогулок. В них стоят чужие замки и подкладка, которая тянется с кистью наружу. Пару часов спустя сняла, а пальцы, особенно если счета не знала, сами изгибаются на несколько первых движений вперёд, как будто продолжают вызывать из того дальнего неточного места правильную финальную траекторию. Крис поставила на трибуне личный термос Леры и высыпала из своего кармашка горсть мелких сушёных ананасов.

— Не переберите, — сказала. — Земляные цукаты у меня уже полгода в машине в цветочном фургоне обитают. Не дождётесь красной шапки, станете ананасами сами.

— Осталось четыре энда матча против обученных скользить женщин, которые умирают без ошибки каждый свой профессиональный выпаливают, — сердито сказала Лера. — Согласны, что нам нужно на двух очках играть? Иначе по одному туда-сюда пойдём, со своим последним так и будем по одному кое-как выжимать.

— Да, если край бежит, на другой чуть раньше начинай свип, чтобы через центральный гард не приехать в него же. Тут камень показал вам, извини, только то, чего вы на секунду раньше уже не видели. Не надо давать ему «ещё!» до конца как будто от этого он на три метра ближе к центру станет.

Рита ела половинку банана короткими яростными кусками и смотрела через стекло на Лён. Лён обещала вести запись ходов и подальше держаться от официального пространства команд. Уселась перед стеклом на стул с поднятыми задней дверцей короткими ногами и раздала троим из группы поддержки по одному вырванному листочку, где дюжиной значков отмечала, кому когда начать пусть короткими голосами объяснять людям, почему на табло одно очко, когда жёлтых у «Выдр» в кругах было целых четыре, а красный один, но он стоял ближе всех к центру. На обратной стороне листка для себя чертила пройденные траектории от бортов. Как у любого человека, который тридцать два года на одном городском транспорте встречает потребность понять, что ему сообщили против шерсти в снегопад за два корпуса впереди, её особенной одарённостью оказалось спокойное внимание к тому, что реально успела увидеть.

Когда вышли после перерыва, Лера молча посмотрела вторую половину дорожки. Неужели у каждой победы есть такой недоступный ей совершенно участок, где она, в пятый раз переезжая пешком, всё ещё делает вид, что не хочет спросить дорогу?

Пятый энд доиграли на плюсе. Большим удовольствием было не решающий бросок, в котором Лера через оставленное пространство аккуратно наладила второй счётный красный в дом рядом с уже сидевшим там первым, а предыдущий. Ужас какой быстрый получился обход у Крис. Сначала Рита выставила неплохой боковой гард, восьмой камень на дорожке только-только перенаправили в прежний коридор, и такой уж сложился перед ними дом: у Леры свободная дорожка по центру, если разбить два жёлтых по порядку, они разлетятся в стороны. У «Выдр» два заключительных могут запереть это всё испуганное население справа. Лера хотела было сделать этакий весомый удар. А Крис сама негромко, на полтона вниз, сказала: «Щётку сюда. Сейчас уведём камень за Ритин». Можно было спорить, можно доказывать с двух концов цветного поля уверенным голосом своё лидерство. И вот то, чему удалось один раз произойти на месте, где всю жизнь за неё руководила Инна: она перенесла щётку. Крис послала туда, камень чуть не задел старый красный и спрятался до самого свистка, которого в кёрлинге на конец энда, как ни ждут школьники, не бывает. Люди соглашаются со счётом, очищают дом. Это маленькое неразумное согласие дало им сейчас два.

Шестой украли. «Выдры» с правом последнего остались без своего в доме, у Леры красный еле прихватил внешний синий обод по касательной, помогла щёткой Жанна, рукава которой на третий день пахли уже прошлой зимой. Стало 4:3. Седьмой проиграли, 4:4. Последний у них. В восьмом равном бросили так, как мечтают только слишком подготовленные дети. Рита

тонко построила боковую охрану, Крис в прятки, Жанна просунулась в дом и заняла центр. «Выдры» хотели откачать чужой красный, да не рассчитали, закрутились высоко до дальней линии. К своему последнему Лера подошла, зная: два уже есть, победу обеспечили, можно и вовсе не класть последний камень. Но люди на таких первых играх с праздничной ленцой играют до конца, никто ничего не подарит, пока сам не попросишь. Олеся пожала ей руку ещё до броска.

— Хочешь третий, положи. Спорить уже не о чем. Если я жду, пока ты его аккуратно въедешь, в жизни моей от этого ничего не уменьшится.

— Я бы сыграла, — тихо сказала Рита. — Только сама на себя и на этот лёд, чтобы не тащить в следующую игру один такой бракованный проход, как в третьем. Так-то уж выиграли.

И Лера отправила камень в дом. Семь-четыре записали на бумагу. При всей их нежной помощи в этом последнем проходе Жанна не была ни на минуту заинтересована в громком победном прыжке, Рита закрыла резко ладонью рот, Крис оставалась со щёткой в дальней половине, уже не морщась и даже чуть-чуть ликуя. Лён за стеклом, увидев это, нарисовала ещё одну галочку и долго, пока вокруг взрослые хлопали и убирали пакеты с едой, держала бумажку ровно на виду.

— Ты что написала-то? — спросила Лера в раздевалке.

— Третий красный — лишний. Говорю тебе прямо до того, как перескочишь в раздевалку соперниц. Можно его сыграть, раз спросили; могли сразу сойтись на победе, и были бы правы. Но когда у тебя уже есть два, а первый матч выигрываешь конечным счётом, не стоит добирать «для красивого результата». В жизни сия красота никому не помогает.

— Олеся согласилась. Мы же вообще обе могли закончить на этом, по счёту удалили бы с табло один и всё.

— Она тебе как человеку дала. А ты бы себе на её месте тоже дала? Так и поставь в книжку. Критерий хороший такой: что бы ты сама сделала, если бы стекло было с другой стороны.

Когда вернулась домой, сын уже уехал от отца и прочёл в чате результат, но спрашивал совсем не про кёрлинг.

— Мам, ты когда-нибудь чувствовала прямо ухом, что тебе надо идти туда, куда тебе приспичило? Вот я на железной раме папе помогал, пока он проверял, мне дядя Андрюша сказал «носи эту гайку в кармане, так у людей появляются профессии». Можно я её у себя в рюкзаке буду таскать и иногда ухом чувствовать?

— Боюсь только, не оставь её в хлебе, — сказала Лера. — Семь — четыре, между прочим.

— Я знаю. Ты же написала в чат, который я и так читаю.

Ей почему-то было приятно. Она осталась в коридоре разуваться. Обматерила разлохматившийся в конец один шнурок, сняла майку, длинной щётки с жёлтым ремешком ей даже в темноте не пришлось искать: видна через всю тесную кухню, как иной раз из своей точки видны сразу две чужие.

Глава 5. Зелёные кружки

Они жили недалеко друг от друга. Из Лериных окон видно целых четыре крыши, у Крис на фотографии районного управления три башенки, у Жанны жёлтые дачные гаражи с самой возможной в Судовске высоты, где Волга ни при чём — вода на их малой Северной ходила кругами, а между гаражами с мая по сентябрь играла детьми беговая дорожка. Из двадцати восьми минут, которые мать Феди тратила, когда они шли от школы домой в среду, почти пятнадцать можно убить на обычное пригородное родительское хвастовство. «У нашей Мани посмотрите какие буквы»; «Давыдовская вчера наговорила учителю “добрый день”, это у них теперь урок общительности»; «Маша с общеобразовательного округа научила своего правильно держать спину, отчего он уже две ночи вот так, на стуле, засыпает». Разные желания, которые когда-то взрослые сами себе не позволили.

— У моего, — сказала Лера на худой конец своему незабываемому городу, — сегодня просто гайка в кармане. Кинет бельё стирать — вызовете мастера, я не поручусь.

— А у нашей камни ваши, — сказала ей удивительно не ближняя знакомая, у которой никак не могла запомнить имя целиком. Юла или Гуля. — Она рисует пол, кружок в кружке, волнистая стрелка вниз. Животных я сначала думала, что зашли в нору по очереди и сидят. Нет, говорит, это как женщины по телевизору, когда у папы на телефоне эти передачи идут. А я им говорю: куда её отдать, чтоб школа заплатила? Никаких денег. Вон танцы по субботам бесплатные брали, но с шести лет уже продвинутые сложные движения, а моей с восьми только хочется на музыку идти.

— Можно в «Борт» на первую открытую. Там в январе семейный вечер после соревнований, приходите посмотреть, спросить на входе, какие группы есть, сколько стоит детская и возможны ли у клуба скидки на пробный месяц. Забегают даже с седьмого посёлка. Свою на первый лёд обязательно с кем-то из инструкторов.

— Лера, у меня сумасшедший месяц на работе, какие — вы говорите — семейные вечера. Мы до восьми в декабре печатаем праздничные этикетки на консервы. Девочка сидит с бабушкой. Может бабушка сдать подписанное без матери?

— У них уточни.

Она написала контакт. И с удивлением обнаружила: одной женщине, которой на каток хотелось отдать ребёнка, она в пять минут пять сведений предложила, спросила про нужное, ещё день будет выяснять, возможно ли свободно доехать до остановки от седьмого посёлка. А собственной команде, которая по пятницам в чате ставила зелёные кружки, она слов благодарности, уж не говоря о вопросах, за целую неделю не написала.

Зелёные кружки придумала Крис. «Чем тратить пятьдесят сообщений “да, буду” и семь картинок, где белая собака терзает торшер, ставьте под моей фразой смайлик, если из дома вышли и на лёд едете. Мы тогда увидим разом, что ничего менять не надо, а если кто не может или задержится — можно в голос». На практике оказалось, что зелёная точка видна последней ещё со вчерашней ночи, а два синих пальца были поставлены по неловкости на вопрос соседнего чата «годится ли абажур на люстру в нашем цветочном пустом киоске с мороза». Крис, стоило ей раз принять на себя должность главной по маркировкам, ухитрялась всегда отличить одно от другого, остальные, как большинство свободных людей, смотрели на их честные неоплачиваемые добровольные действия достаточно бессмысленно. Лера нажала на экран. На субботу уже есть трое. У Риты снабжено одной оранжевой точкой, «буду на льду, если надо; есть доставка в три». Жанна вместо кружка прислала маленькую нотку, ежели после игры надо пойти настройщиком в детскую школу, пусть не угадывают, откуда она приедет.

— Ты можешь взять нас с Данечкой в пятницу на лёд? — спросил Федя.

— Подожди, говорил, наскучило. И я же пятницу не еду, у меня длинная смена.

— Я не про твой страшный, нас хочет папа отвести на коньки. Дан старый. Он ещё ко мне в первый класс ходил. Мне не нравится, когда вы думаете, что если ты умный и тебе вместо кёрлинга понравилось на катке, то надо срочно всем взрослым объяснить, почему у тебя переменилась жизнь.

— Мне можно вновь извиниться. Ты, Федь, за мной близко следи, когда я из твоего дня себе свою собственную расписку иду составлять.

— Могу просто вас спросить, нужны ли мне спортивные штаны под куртку? А то если нет, можно я Борины старые надену, у них по коленям луна с лазером и какие-то красивые кишки нарисованы.

— Можно.

Он обрадовался целиком и на следующий день забыл эти штаны дома. Лера заметила с полки на кухне, за сорок минут до выхода тренировочной группы у Феди. В сумке ещё лежала его сдвоенная майка своей школы, нижняя часть в пятнах от синей краски. Что делать? Ей позвонил Бычков, просил зайти к нему на склад, взвесить возврат одной партии обеими руками, поскольку у их весов опять отпала ножка и получается, что половина отправленной тары у них ест что-то от себя. До четверти седьмого должна была приехать первый раз тренировать новые выходы с Ритой. Родители от школы уже вышли. Федя ехал с Димой.

Её большая способность к решению задач путём одновременного разминания слабых мест всем слоям, которые под рукой ещё не успели остыть, навела Леру на короткую мысль: запрыгнуть в машину с рейсовым хлебом, забросить штаны по дороге, всё остальное приготовить в телефонном режиме. Не спросила у Феди, нужны ли они ему.

— Не вези их, — сказал сын, когда она наконец догадалась это сделать. — Для того и оставил, что это Данечкины. Я их с лунными кишками нарисованными не хочу уже к его группе. Папа мне принёс свои лыжные, я их вверх шнуркой завяжу. Всё, мы с Даником идём переодеваться, звони домой часов после восьми, я жду, когда ты дашь найти свой собственный рюкзак!

Ну что же, спасибо человеку. С рабочего задания она вернулась через девять минут, на ледовой арене появились с Жанной одновременно. Жанна одета в изумительную длинную зелёную шубу, которую ей отдали «на один сезон» семнадцать лет назад. Включает в себя мутоновую тяжесть и впечатляющее прекрасное понимание, раз при входе глядишь, что такой женщине ничего в этой жизни не страшно, ошибаешься насчёт дальнейшего.

— Что у мамы? — спросила Лера.

— Дома. С Катей. Смотрят про то, как снимали «Карнавальную ночь». Пятый или шестой раз за одну смену, Катька знает наизусть, где у сценариста пуговка расстегнулась. Она мне вчера по телефону объясняла, что ей в декабре нужна будет неделя со своей дочкой в Питере, а мне оттуда мосты в свою жизнь поднимать каждый день. Я очень рада ей помочь. Но нашла прекраснейший свой прокат, попал туда городской конкурс исполнителей, прикинь. Они всю осень просили, чтобы я была. Потом переносили, прислали наконец даты. Суббота и воскресенье, нам первое декабря или второе?

— Вот данные пропуска и четверть игры с «Клюквой», там как раз ты в ударной роли у нас по плану.

— Возьму вечерний срок. Предварительную работу сделаю пятницу. Потом с Катей я улягусь сама. Пока ничего не отменяй.

И тут вместо «ладно» из Леры молодым испорченным тоном заводской старшей выползло:

— Жанн, может, сразу дадим приказ всем, что тебя подстраховать? Я Крис новости напишу. Риту мы и так на первую поставим, Лён на вторую. Для «Клюквы», конечно, терять сильного свипера ужасно, но мы с этим справимся. Если работа сорвётся у тебя, тогда уже вернёмся к исходному. Чтоб ты не нервничала за нас, хорошо?

— Нет, — сказала Жанна, — плохо.

Она не стала расшнуривать себе левый ботинок, осталась с ногой внутри центральной предупреждающей полосы на резиновом покрытии, будто на дверной цепочке повисла. Из будки выглянул Дамир, успел увидеть, что два носка параллельно её в общем не помешают катальному помещению работать ещё день.

— Ты зачем меня опять лечишь бесплатно? Услышала что, на всю оставшуюся зиму меня при матери к скатерти нашьёшь? Я спросила: первое декабря или второе, и сказала — буду. Не хочешь поставить, так скажи, для игры мы тебя не берём. А распоряжаться моим телом и моим свободным временем под обещание, что так мне будет легче, не надо. У меня всё это время другие люди распоряжались жизнью, с таким именно приятным голосом «ну чтоб тебе было легче». Спасибо, раздел.

Между ними вбился запах тюменских пельменей — у Крис иногда пахло от разогретого завтрака под термосом. Стол в углу туго был прижат к стене, на нём уже валялись ленты, мерки, бумажные схемы и белые колпачки от рук начинающей группы. Рита, подняв взгляд от экрана, увидела, что на откровенно собравшемся за стеклом ковре ждёт обычный матч. Внутри — двое. Одна с широкими неподвижными глазами, другая с рукой у пластикового бокового выступа, где два деревянных лёгких кончика прошлогодних щёток выстроились как на плацу, и можно было дважды переставить ноги и уйти.

— Хорошо, — сказала Лера. — Просто хорошо. Твой ответ «да», остальное сама.

— Да.

— Не буду писать за тебя.

— Спасибо.

Первыми несколько бросков взяли дальнюю правую сторону, центр поставили, потом повернули обратно. После того, как они помирились, у обоих всё равно тряслись коленки. Лера отпускала камни рано, Крис справа не справилась с сигналом, когда просившая сильного нажима ещё никак не добралась впереди. Уменьшив скорость, обе вскоре погрузились в одно-единственное общее дело: чей камень первым защитим. Свипующим из всех людей на свете не полагается нервно тратить силу перед щёткой, если камень бежит быстрее, чем ему место в доме уже приготовлено. Они обе, свипующие, наблюдают ход, у них слева друг друга руки, одна отвечает за скорость камня и говорит «дом», «стоп» или обозначение зоны, другая смотрит, что просит скип по линии. Если она отдаст им руку замерённым движением и вдруг «стойте», нельзя в этот момент воспринимать приказ как оценку своей формы или ссору с лучшей подругой в передней сауны. Они просто меняют свой шаг и дают камню жить на его взрослой воле за щёткой.

Кончили перед самым закрытием, как раз успели на разбор в кафе. У бариста, в школьные годы влюблённого в Жанну, пить чёрный кофе в это время выходило по цене чипсов. Лера собирала на стол широкую маленькую карту с размеченными боковыми областями.

— Вот о чём хочу спросить, — сказала Крис. — Мой мужчина назвал нашу командную переписку «в доступе». Мол, как вы договорились бегать за камнями, так вас вечером за пригласительной почетной грамотой и вызывают. Мы с Антоном не виделись в воскресенье, потому что после игры одна из нас как разболталась в чате, про тайминг, про цвет, про толщину щетины на щётке, — и все остальные мысли у человека в окружающем его городе закончились. Я в среду забрала его племянницу из сада, запомнила твоё про хог-лайн, даже девчонку ей занудить пыталась!

— И что?

— Можно мы до восьми вечера накануне пишем по делу, а с восьми вечера — пока кто-нибудь не поднялся утром — если нет аварии и сильного изменения, никто не собирает общих опросов? У тебя ночные смены, у меня дни, у Риты шкафы, у Жанны мама, а Лён гуляет в шесть утра у реки и шлёт мне селезня. Я его люблю, правда, селезень её — маленькое душевное

живое существо, у него одно перо белое на голове, я проверила. Но я бы хотела его видеть уже проснувшись как женщина, а не как член нашей секты быстрого камешка.

— Это отдельный специальный селезень, — сказала Лён. — Пока на другой берег не прилетит одна женщина с мелкой, злющей собакой, он вообще у них в заходе не выйдет. Оперение у него удивительное, пегий как моя кошка Молнурова.

— Молния?

— Молнурова. Первый ворушащийся в моем доме мохнатый человек, которым мы с сестрой обзавелись, звался так. Это мама придумала. Мы решили в жизни не менять название.

Лера записала: зелёные кружки только на вопрос, кто на месте. Прочие сообщения вечером никого не требуют немедленно отвечать. Опоздал или не сможешь быть — звони. Где-то посреди своей правой, только что приходившей в себя тренерской руки она уже совершенно точно чувствовала и домашнюю большую компанию, для которой будут в конце недели играть, и пятерых, ведущих совсем разную дорожку до выхода на лёд.

Когда вернулась домой, Федя оказался у Димы до завтрашнего вечера. С потолка за кухонной дверью что-то тихо капало, просто кран надо было переставить подальше от ведра, чтобы слив не застревал. На столе лежала коробка, оставшаяся от сливочных завитушек. Разделили на пять. Большие — пополам, маленькие — на четверть. Приходилось добавлять сухарями с собственной пробы Леры, зато никто не высчитывал, кому оставили красивые тминовые витки: сами выбрали, что нравится.

Глава 6. Два метра тишины

Один человек на ледовой дорожке имеет удивительную привилегию: никто из сидящих в зале не слышит его на такой громкости, с какой он слышит сам себя, зато видят все. Скажем, хочешь остановить работу щёток и кричишь: «Всё!» Из дальней части камень уже выходит из-под брови правого гарда, тебе отлично видно, что щётки теперь только прямее пустят его к гранитной серой туше, а девочки в сорока метрах задвинуты в собственный пупырчатый шорох, поэтому света ничего не видят и не слышат вовсе. Зато на галерее ты свирепая женщина с щёткой, которая разоралась из-за пустяка.

— Я это сниму и покажу тебе, — сказал Дима. Он пришёл с Федей на вторую игру «Причала» в сорок минутах нового воскресенья. — Хорошая тема для детского сада, у кого в семье скип. Малышам в группе: моя мама кричит на других взрослых женщин, у них глаза становятся такие, всё.

— Можно попрошу тебя не снимать?

— Серьёзно?

— Если просто для себя — пожалуйста. Детям из класса я бы пока не показывала, про чужих мы всё равно должны спросить согласия.

— Ты мне всё ещё не разрешаешь на наш кухонный холодильник в моём доме маленькую наклейку повесить с твоей любимой фразой «не решишь — не решится». Лера, я же для нас только.

Лера напряглась, потом потупилась в свой жёлтый шнурок, которым привязала однажды замок к сумке. Дима совершенно не собирался её злить. Та же у него лаконичная, спрятанная за смешливой в любом случае буквой манера. И Федя сегодня в серьёзном тёмном пуховике с белым жилетом внутри, у него под глазом нарисована чужой губной помадой мягкая красная точка, знак «мы здесь за красных». Сегодня «Причал» жёлтыми. Будет человек, который влетел на трибуну и уже за соперницу чешет ладони, не показаться бы ему недоброй мамой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.